

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – С. 47–68.
2. Иссерлин, Е. М. Конкретная и абстрактная лексика в русском литературном языке XVII в. / Е. М. Иссерлин // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л. : Наука, 1971. – С. 97–111.
3. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1982. – 529 с.
4. Вебер, К. К. Мукомольное дело / К. К. Вебер. – СПб. : Изд-во А. Ф. Девриева, 1892. – 164 с.
5. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–6. – Л. : Наука, 1984–1991.
6. Словарь Академии Российской : в 6 ч. – СПб., 1789–1794.
7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской АН : в 4 т. – СПб., 1847. – Т. 1–4.
8. Словник української мови / Кер. В. В. Німчук та ін. / відп. ред. В. В. Жайворонок. – К. : ВЦ «Просвіта», 2012. – 1320 с.
9. Півторак, Г. П. Білорусько-український словник / Г. П. Півторак, О. І. Скопненко. – К. : Довіра, 2006. – 723 с.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М., СПб., 1880–1882. – Т. 1–4.

The article run about the peculiarities of agricultural terminology functioning, specifically the names of technological processes of mill production, recorded in the commerce correspondence of the Russian language in the 17th century. Historical development of analyzed lexemes in Russian, Ukrainian, Belarusian languages are outlined.

Keywords: historical lexicology, lexeme, name, terminology, terminological system, thematic group.

УДК 811.161.1'373.611

И. О. Ковалевич

РЕЭТИМОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена исследованию реэтимологизации как способа образования окказионализмов детьми дошкольного и школьного возраста. Анализируются фонетические и семантические основания для модификации внутренней формы узуальных слов. Реэтимологизация изучается как отдельный способ словообразования, а также в качестве приема, сопровождающего контаминацию и обратную деривацию.

Ключевые слова: реэтимологизация, окказионализм, контаминация, обратная деривация.

Окказиональное словотворчество является неотъемлемой частью речевого развития детей. Оно характеризуется многообразием деривационных процессов. Одним из таких является так называемая реэтимологизация, под которой мы понимаем способ окказиональной деривации, по-новому представляющий отношения словообразовательной производности, в результате чего слово фонетически изменяется в сторону сближения с мотивирующим при сохранении понятийного тождества.

Данное явление давно привлекает внимание исследователей детской речи. Так, еще К. И. Чуковский в своей известной книге «От двух до пяти» посвящает целую главу анализу лексических единиц, появившихся в результате бессознательного, по мнению автора, «исправления» узуальных слов взрослой речи [1, с. 17–18]. Анализируя такие единицы, как ко-

лоток (сравн.: *молоток*), *мазелин* (сравн.: *вазелин*), *болерьянка* (сравн.: *валерьянка*) и др., писатель указывает на стремление ребенка найти прямое соответствие между функцией предмета и его названием [1, с. 18]. В этом аспекте детская реэтимологизация во многом схожа с народной этимологией, описанной в работах многих лингвистов (Л. А. Введенская, Б. Ю. Норман, Ю. В. Откупщиков и др.). Примеры народной этимологии содержатся и в художественных произведениях, где они, выполняя определенные стилистические функции, создают особый колорит: *мелкоскоп*, *нимфозория*, *преламут*, *клеветон* и др. (Н. С. Лесков).

Статус реэтимологизации как способа деривации неоднозначен. С. Н. Цейтлин выносит данный способ деривации за пределы словообразования, указывая на то, что модификация звуковой оболочки не представляет собой конструирование нового слова с новым значением [2, с. 178]. Однако нами зафиксированы многочисленные случаи, подтверждающие, что основу модификационных преобразований составляет не только фонетическое взаимодействие двух лексических единиц, но и их семантическая соотношенность, о которой подробнее будет сказано дальше. Наложение смыслов порождает семантическую дуплановость, когда в сознании коммуникантов возникает два образа, один из которых создается преобразуемой лексической единицей, а второй – мотивирующей основой. Созданное слово наделяется новой внутренней формой и, таким образом, его семантическая структура включает компоненты, по-новому характеризующие определенный объект (с точки зрения функции, цвета, случайного признака и т. д.). Кроме того, реэтимологизация тесным образом связана с другими словообразовательными способами. К числу таких относится, например, контаминация, так как в обоих случаях происходит взаимодействие двух слов.

Реэтимологизированные слова одними из первых появляются в речи ребенка в сравнении с окказионализмами иных типов. Основная часть подобных дериватов выражает функциональные характеристики обозначаемых ими объектов, что достигается посредством включения глагольной основы в структуру узуальных слов: *Посмотри / какой длинный лизык у меня* // (лизать + язык) (2 г.); А: *Дай лопату / пойду лопать* // – Б: *Не лопать / а копать* // – А: *Тогда дай копату* // (копать + лопата) (3 г.); *Я плюнку выплюнула* // (плевать + слюна) (3 г.); А: – *Если в эту штуку вставить палку / то получится...* Б: – *Гребесло!* (грести + весло) (4 г.); *А почему игран потух?* (играть + экран) (4 г.); *Мама / я сегодня / как модель / по ходиуму ходила!* (ходить + подиум) (4 г.); А: *Мам! Тащи срочно замаленту!* – Б: *Что?!* – А: *Замаленту / замаленту!* – Б: *А что делать будешь?* – А: *Заматывать! Автомат сломался* // (заматывать + изолента) (4 г.); А: *Ты где была?* – Б: *На игранде играла* // (играть + веранда) (5 л.) и т. д.

Взаимодействующие понятия могут находиться и в семантических отношениях несколько иного характера. Так, на первый план могут выходить локативные характеристики: А: *Кто живет в норке?* – Б: *Мышка.* – А: *Кто живет в берлоге?* – Б: *Медведь.* – А: *А кто живет в дупле?* – Б: *Дупел* / (дупло + дятел) (4 г.); А: *Папа / смотри! Неблако!* – Б: *Что такое «неблако»?* – А: *Ну это же небо / а на нем неблаки!* (небо + облако) (4 г. 5 м.); А: *Давай банку ананасов откроем?* – Б: *Я тоже банконасы хочу!* (банка + ананасы; о консервированных ананасах) (3 г.), а также *шкафматы* (шкаф + шахматы) (пример С. Н. Цейтлин) и др. Основу реэтимологизации могут также составлять цветовые ассоциации: *Смотри / дядя жуужжит зелёнокосилкой* // (зеленый (цвет газона)+ газонокосилка) (2 г. 5 м.), а также *красника* (красный + брусника) (пример С. Н. Цейтлин); обонятельные и осязательные ассоциации: *вонитаз* (вонять + унитаз), *мокпресс* (мокрый + компресс) (пример К. И. Чуковского). Выявлены случаи, когда в новых словах дети акцентируют случайные признаки: *Поспевает грустника* // *Это потому / что осень и грустно / поэтому грустника!* (5 л.); а также *подаринчики* о мандаринах в качестве подарка на Новый год (5 л.), *шкафматы* и др.

Нами зафиксированы случаи, когда дети дошкольного возраста осознанно исправляют существующие в языке неправильности. В подобных случаях окказионализмы выступают в качестве ответной реакции на речь взрослых и употребляются в ответных высказываниях на соответствующие реплики-стимулы: А: *Мама / а кто такой водолаз?* – Б: *Это / сыночка/ человек / который ныряет под воду / например / ищет жемчуг или поднимает со дна моря затонувшие сокровища //* – А: *Тогда он должен называться **подволаз** //* (4 г.); А: *Правильно лепмени!* – Б: *Кто тебе такое сказал?* – А: *Никто // Просто бабушка сама их лепила / значит / лепмени // А у нас они из магазина // Значит / пельмени!* (5 л.); *Ватрушки / это когда на тарелке / а когда их едят / они **вортушки** //* (5 л.).

Показательно, что реэтимологизации могут подвергаться также и имена собственные. Сравн.: *Дедушку зовут Георгий Гаврилович. Бабушка называет его «Гаврилыч». Две внучки (8 и 6 лет) вспоминают, как же бабушка называет дедушку: – **Говорилыч** // – Нет / **Горилыч** //*, а также *Анастасия **Кефировна*** (сравн.: Анастасия Никифоровна), *Евгения **Яинична*** (сравн.: Евгения Ильинична), *Елена **Макароновна*** (сравн.: Елена Макаровна). В представленных примерах фонетическая близость двух взаимодействующих основ выходит на первый план, что может приобретать характер осознанной языковой игры, когда коммуниканты стремятся к поиску оригинальной формы без учета семантики. Тем не менее, уже в речи дошкольников преобразование имен собственных может осуществляться с учетом и семантического фактора: ***Очкана*** (об Оксане; так как носила очки). Зафиксирован факт создания целого ряда реэтимологизированных единиц, характеризующих одно и то же лицо по разным признакам: ***Басилина*** (от *бас*), ***Кисалина*** (от *киса*), ***Веселина*** (от *веселый*). В результате мы получаем цельный образ воспитательницы Василины, поющей басом, веселой и любящей кошек.

Подобного рода переименование имен собственных (чаще фамилий и отчеств, реже имен людей) находит активное продолжение и в школьном возрасте. Реэтимологизированные онимы выступают в качестве образных и экспрессивных единиц и служат средством характеристики: ***Мидия Лихайловна*** (сравн.: Лидия Михайловна), ***Павел Обезьянович*** (сравн.: Павел Емельянович), ***Александр Барбарисович*** (сравн.: Александр Борисович), ***Салатович*** (сравн.: Салаватович), ***Мухайлович*** (сравн.: Михайлович, т. к. умеет ловить мух), ***Раиса Глебовна*** (сравн.: Раиса Глебовна), ***Мрачненко*** (сравн.: Марченко), ***Жмотов*** (сравн.: Злотов), ***Зубрилина*** (сравн.: Зубилина), ***Бурундуковский*** (сравн.: Бурдуковский) и т. д. [3, с. 213].

Как было отмечено выше, реэтимологизация может сочетаться с контаминацией и сопровождать ее. При этом отчетливо прослеживается тенденция окказионального словотворчества, проявляющаяся в стремлении детей к выражению семантической полярности, когда компоненты узуальных слов замещаются семантически противоположными. Анализ показал, что, как правило, ошибочному толкованию в рамках указанной тенденции подвергаются части слов, созвучные с личными и притяжательными местоимениями: А: *Даша / ты какая-то невменяемая // Прекрати кричать // Накажу //* – Б: *Не надо / мамочка / я **втебямая!*** (3 г. 5 м.); А: *Олеся / если не будешь умываться / то придет Мойдодыр //* – Б: *Где **Твойдодыр?*** (3 г.); А: *Папа / а что это у тебя?* – Б: *Майонез //* – А: *Какой он красивый / **твойонез!*** (3 г.); А: *Артём / ты что / глухонемой?* – Б: *Нет / я **глухотвой!*** (4 г.); *Мам, если ребёнок глухой / но не твой / он называется **глухо-не-твой?*** (5 л.) и др.

Особый случай представляет собой восприятие ребенком слов, начинающихся со слогов *ма* и *па*, которые ассоциируются в его сознании с обоими родителями, поскольку они играют исключительно важную роль в его жизни. При этом наблюдается взаимозамена данных частей слов в зависимости от ситуации: ***Пашина** / потому что она не мамина / а папина* (2 г.) (о машине); *Я знаю / у мамонтёнка мама / мамонт / а папа / **папонт!*** (2–3 г.); *Я не помощница // Я **мамошница!*** (т. к. помогает маме) (3 г. 8 м.); А: *Что это за растение?* – Б: *Папоротник //* – А: *Тогда это **маморотник!*** (7 л.) и др.

Интересным представляется проанализировать случай преобразования узуального слова *подмышка* в окказионализм **подкошка**: *Это подмышка / а это подкошка!* (4 г.). Как правило, в сознании детей при упоминании данного слова возникают ассоциации с мышью. Мышь и кот составляют оппозиционную пару, что обуславливает указанный вариант замещения (сравн. игра в кошки-мышки). Преобразование может носить более сложный характер. Сравн.: *Если у нас подмышки / то у мышей должны быть подчеловечки* // (10 л. 5 м.). В данном случае обнаруживается как реэтимологизация узуального слова *подмышки*, так и создание тропеической пары (человек – мышь). Игра фантазии ведет к своеобразному олицетворению мыши на основе физиологических особенностей: она по образу человека имеет руки и подмышки. Здесь также обнаруживается такой универсальный признак троповости, как тенденция к «перевертыванию», когда второй элемент становится зеркальным отражением первого. Все это дает основание охарактеризовать подобные единицы как образно-тропеические.

Реэтимологизация может также составить основу обратной деривации, в частности депрефиксации. Стремление ребенка к отрицанию выражается в производстве окказиональных единиц без префикса *не-*, выражающего отсутствие какого-либо качества: *Этот автомобильчик такой несчастненький / такой несчастный // А этот счастливый!* (2 г.); А: *Ты что / неряха?* – Б: **Ряха** // (4 г.); А: *Нужно всегда говорить вежливые слова / чтобы не быть невежами* // – Б: *Да / надо быть вежами* // (4 г. 5 м.) и др. Продуцируя подобные слова, дети зачастую воссоздают первоначальные словообразовательные отношения, которые несколько затемнились в современном языке [1, с. 65–66]. Однако в нашем случае интерес вызывает отделение так называемый «лжепрефикса», который, являясь фонетическим аналогом имеющегося в нормативном языке префикса, составляет часть корня производящей основы: А: *Папа / нефтяник* // – Б: *Нет / фтяник* // (2–3 г.); А: *Это чей танк?* – Б: *Немецкий* // – А: *Нет / мецкий!* (3 г. 5 м.); – Ух/ *какой ты стал негритенок* // – *Нет / я гритенок / гритенок* // (2 г.) (пример К. И. Чуковского) и др. Обратной деривации могут подвергаться также слова, содержащие в своей структуре компоненты, созвучные с приставкой *без-* / *бес-*: *Ничего этот бисквитный торт / вкусный // А квитный вкуснее?* (5 л.).

Таким образом, можем заключить, что реэтимологизация является характерной особенностью окказионального словообразования. В детской речи модификации подвергаются лексические единицы с учетом как фонетического, так и семантического факторов. Реэтимологизация может сопровождать другие способы словообразования (контаминация, обратная деривация). Установлено, что преобразование внутренней формы может приобретать характер языковой игры, которая, начинаясь в дошкольном возрасте, сопровождает дальнейшее речевое развитие детей. Ее продуктом являются окказиональные слова, обладающие основными признаками тропов.

Список использованных источников

1. Чуковский, К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – Минск : Нар. асвета, 1984. – 319 с.
2. Цейтлин, С. Н. Язык и ребёнок : лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Владос, 2000. – 240 с.
3. Ковалевич, И. О. Окказиональные онимы в речи детей и взрослых / И. О. Ковалевич // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. / Мозыр. гос. пед. ун-т ; отв. ред. С. Б. Кураш. – Мозырь, 2019. – С. 212–215.

The article is a study of reetymologization as a way of production of nonce words by pre-school and school children. Phonetic and semantic bases for the modification of the inner form of usual words are analyzed. Reetymologization is studied as an independent way of word-formation and as a device which accompanies blending and back formation.

Keywords: reetymologization, a nonce word, blending, back formation.